198/488

947.198
488

[Колумбов, А.]

КРЕЩЕНІЕ РУСИ

Рѣчь, произнесенная на публичномъ актѣ Тамбовской гимназіи 11-го іюня 1888 года.

379/2

2807

VII-18

ТАМБОВЪ.
Типографія Д. С. Семенова.
1889.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
1143390 М

историческая библиотека
рсфср

Крещеніе Руси.

Извѣстія о началѣ нашей политической исторіи чрезвычайно сбивчивы, темны, перепутаны вымыслами, которые лишены всякой исторической основы. Причина этого та, что наши лѣтописцы писали неранѣе 2-ой половины XI в., а свѣдѣнія о событіяхъ VIII и IX вв. они почерпали или изъ немногихъ греческихъ письменныхъ памятниковъ или же пользовались изустными народными преданіями, которыя по свойству своему подвергались всевозможнымъ измѣненіямъ. Изъ иностранныхъ писателей, имѣющихъ отношеніе къ первымъ временамъ нашей исторіи, замѣчательны Маврикій и Прокопій [1]), въ сочиненіяхъ которыхъ заключается много интересныхъ данныхъ касательно культурной стороны нашихъ предковъ-Славянъ. По свидѣтельству этихъ писателей оказывается, что Славяне при началѣ своей исторіи, подобно остальнымъ европейскимъ народамъ, находились на низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Тогда наши предки жили въ тѣсной связи съ природою и, сознавая свое полное ничтожество передъ ея величіемъ, ея силами, подчинялись ей какъ въ физическомъ такъ и въ нравственномъ отношеніи. Они не воображали, что можно бороться съ природой, можно ее побѣждать;

[1]) Византійскіе писатели VI в.; соч. Procopii Caesar. Histor. sui temp.; Mauricii artis militaris libri XIII.

они дѣйствовали не по какимъ-нибудь принципамъ, а по природному влеченію, по природнымъ мотивамъ, однимъ словомъ они обоготворяли силы природы, приписывая имъ жизненность, свободную волю, власть надъ людьми и животными. Такимъ понятіемъ о божествѣ опредѣлялся и характеръ славянскаго богослуженія, гдѣ только одна чувственная обрядность замѣняла славянину-язычнику его нравственныя обязанности. Подъ вліяніемъ грубаго язычества почти не были установлены у славянъ и первыя условія общественнаго быта: введенная Норманнами система управленія клонилась болѣе къ раздробленію Руси на самостоятельныя области, нежели къ соединенію ихъ въ одно государственное цѣлое. Отношенія князей къ подданнымъ опредѣлялись только правомъ безусловной дани, причемъ брали все, что можно было взять, не принимая на себя никакихъ обязательствъ оказывать съ своей стороны какія-либо выгоды подданнымъ. Такое неумѣренное самовластіе князей возбуждало неудовольствіе среди подданныхъ и влекло за собою неминуемое возстаніе въ различныхъ областяхъ; такъ по смерти Игоря едва не отдѣлились отъ Кіева Древляне, Полочане уже не признавали власти Святослава, Радимичи и Вятичи искали независимости во время междоусобій его дѣтей. Духъ раздора господствовалъ и въ частной жизни, основаніемъ которой было право личной родовой мести, замѣняющее собою правосудіе. Преданіе о мщеніи Ольги указываетъ, какъ глубоко вкоренилось у Славянъ понятіе родовой мести. Ольга, умнѣйшая женщина, принявшая впослѣдствіи христіанство, должна была строго слѣдовать этому обычаю, потому что считала своею священною обязанностью мстить за смерть своего мужа. Такимъ образомъ, хотя преемники Рюрика успѣли завязать первый общественный узелъ, но Русь, какъ государство, еще не имѣло прочныхъ основъ для выработки гражданской жизни, основъ, безъ которыхъ для народа нѣтъ настоящей исторіи! Такой варварскій складъ общественной жизни

продолжался до принятія новой высшей религіи-христіанской, которая, принеся съ собою ясныя понятія о добродѣтели, необходимости закона, верховной власти, оживотворила Русь и вывела ее на историческій путь.

Первыя появленія христіанской проповѣди на Руси относятся еще ко временамъ апостоловъ. Наша начальная лѣтопись повѣствуетъ, что апостолъ Андрей, отправляясь изъ Синопа чрезъ Корсунь берегомъ Днѣпра, доходилъ до Кіевскихъ горъ, благословилъ ихъ и, водрузивъ крестъ, сказалъ „на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія"! Оттуда онъ направился на сѣверъ къ берегамъ Волхова и Ильменя, а затѣмъ въ Римъ. Это легендарное сказаніе, имѣющее своимъ ближайшимъ источникомъ апокрифъ о „хожденіи апостола андрѣя [2])", подтверждается также и другими свидѣтельствами; такъ въ одной греческой рукописи [3]) (хранящейся въ Оксфордской библіотекѣ) говорится о путешествіи апостола Андрея въ страну антропофаговъ, которыхъ древніе географы помѣщаютъ далеко въ глубинѣ Россіи; о проповѣдѣ апостола Андрея въ странѣ Скиѳовъ упоминаютъ также и духовные писатели, св. Ипполитъ, епископъ Портуэнскій, Оригенъ и Никита Пафлагонъ, послѣдній въ своемъ похвальномъ словѣ апостолу Андрею говоритъ, что онъ обошелъ съ проповѣдью Иверовъ, Савроматовъ, Тавровъ, Скиѳовъ и всѣ области и города, лежащіе къ с. и къ ю. отъ Понта Евксинскаго [4]). Но затѣмъ въ нашей лѣтописи ни слова не говорится о томъ, чтобы путешествіе апостола оставило по себѣ слѣды на почвѣ Кіевской Руси. Извѣстія о частныхъ обращеніяхъ жителей ю. Руси въ христіанство начинаются съ 4 вѣка. Блаженный Іеронимъ писалъ: „Гунны изучаютъ Псалтирь, холодная Скиѳія согрѣвается огнемъ истинной вѣры, войска бѣлокурыхъ Готовъ

---

[2]) Ст. г. Гилярова въ Моск. Вѣд. 1888 г. іюль.

[3]) Арх. Макарія Ист. христ. въ Россіи до Влад. I, 20.

[4]) Чт. въ общ. ист. и древн. 1863 г. II, 38.

носятъ съ собою походные храмы". Изъ этихъ словъ видно, что подъ именемъ холодной Скиѳіи нужно разумѣть ту, которая простиралась отъ лѣваго берега Дуная до Дона, гдѣ еще въ I в. по Р. Х. жили Славяне. Но христіанство имѣло лишь временной характеръ, такъ какъ народы, пришедшіе изъ Азіи, опустошили всю Скиѳію и зачатки христіанства были уничтожены безслѣдно. Прочное же утвержденіе послѣдняго совпадаетъ съ громкимъ событіемъ, которое является первымъ свѣтлымъ лучомъ на темномъ горизонтѣ нашей отечественной исторіи. Мы разумѣемъ здѣсь разсказъ греческихъ писателей современниковъ о походѣ 865 г. [5]) Варяговъ-Руссовъ, опустошившихъ огнемъ и мечемъ всю Византійскую имперію, которая была спасена отъ окончательной гибели только чудомъ отъ ризы Влахернской Богоматери: на варваровъ напалъ ужасъ; они поспѣшно сняли осаду и, нагрузивъ свой ладьи награбленною добычей, покинули Босфоръ. Послѣ этого Византійское правительство должно было озаботиться защитою Черноморскихъ областей, а особенно Херсонеса и другихъ Греческихъ городовъ, находившихся въ сосѣдствѣ съ Таврическими владѣніями Руси. Союзницей грековъ въ войнѣ съ Руссами явилась христіанская религія: греческіе проповѣдники склонили часть варваровъ къ принятію крещенія; а вмѣстѣ съ проповѣдниками явились изъ Византіи много варяговъ-христіанъ, которые стали поступать на службу къ Русскимъ князьямъ. Такъ Византійскій патріархъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи къ восточнымъ епископамъ извѣщаетъ, что Россы перемѣнили древнее нечестіе на вѣру во Христа. „Народъ, пишетъ онъ, столь часто многими превозносимый и превосходящій всѣ другіе народы своею жестокостью и кровожадностью, т. е. Россы, которые, покоривъ окрестные народы, возгордились и, имѣя о себѣ весьма высокое мнѣніе, подняли оружіе на

[5]) Шлёцеръ-Нест. II; Карамз. I. пр. 283.

Римскую державу, теперь и сами перемѣнили нечестивое, языческое суевѣріе на чистую, непорочную, христіанскую вѣру и ведутъ себя, какъ преданные друзья, хотя незадолго передъ этимъ тревожили насъ своими разбоями и учинили великое злодѣяніе „ [6]) Но Фотій, очевидно, преувеличивалъ размѣры обращенія въ христіанство Руси. Только Василію Македонянину, вступившему на престолъ въ 867 г. удалось богатыми дарами купить миръ съ Руссами и такимъ образомъ открыть еще болѣе широкій путь христіанству въ Россію. Спустя 15 лѣтъ, Олегъ, принявшій правленіе въ Новгородѣ послѣ смерти Рюрика и въ малолѣтство сына его Игоря, умертвилъ Аскольда и Дира, дружинниковъ Рюрика, поселился въ Кіевѣ, предназначивъ его столицей будущаго Русскаго государства. Получивъ воспитаніе на сѣверѣ, Олегъ оставался грубымъ язычникомъ; поэтому христіанство при немъ скорѣе могло ослабѣвать, нежели усиливаться въ Кіевѣ; однако и онъ, хотя безъ намѣренія, знакомилъ Руссовъ съ христіанскою вѣрою. Такъ, когда послы его были въ Константинополѣ для заключенія мира, имъ показывали терновый вѣнецъ, гвозди и багряную хламиду и мощи святыхъ и наставляли ихъ въ православной вѣрѣ [7]). При преемникѣ Олега Игорѣ Варяги-христіане составляли въ Кіевѣ уже цѣлую общину, которая въ церковномъ отношеніи имѣла надлежащее устройство. Такъ въ договорѣ, заключенномъ въ 945 г. съ греками, говорится о томъ, что крещенные Руссы должны были присягать въ соборной церкви св. Ильи въ Кіевѣ и цѣловать крестъ [8]). Такимъ образомъ христіанъ между Русскими было уже столько, что нужно было упоминать о нихъ въ договорѣ и въ Кіевѣ былъ построенъ соборный храмъ; послѣднее обстоятельство можетъ указывать на существованіе въ Кіевѣ и другихъ храмовъ. Эта христіан-

[6]) Арх. Макарія Ист. христ. до Владим. ст. 261.

[7]) Л. Н. изд. Арх. комм. подъ 912. г.

[8]) Шлёцеръ-Нест. II. 527; Л. Н. изд. Арх. ком. подъ 945 г.

ская община продолжала существовать и пользоваться свободою вѣроисповѣданія до самыхъ временъ Владимира. Членамъ этой общины, конечно, естественно было воодушевиться желаніемъ обратить въ свою вѣру народъ, въ странѣ которой они жили. Отсюда необходимо должно было случиться, что находившіеся близь князей Варяги-христіане явились проповѣдниками передъ ними христовой вѣры; они же расположили открыто принять христіанство и супругу Игоря св. Ольгу, которая является первою духовною просвѣтительницею Россіи, какъ лучезарная звѣзда, „предтекущая хрестьянствѣй земли, аки денница предъ солнцемъ, аки заря предъ свѣтомъ, аки луна въ нощи [9])“, покрывающей всю Русскую землю!

О происхожденіи св Ольги ученые высказывали самыя разнорѣчивыя мнѣнія [10]) и только недавно изслѣдованіемъ о. архим. Леонида [11]) доказано, что св. Ольга была княжна, болгарка родомъ, а не простая“ языка варяжска отъ простыхъ людей [12])“, перевощица изъ города Пскова, котораго тогда еще не существовало, какъ мы увидимъ ниже. О. архимандритъ основывается на одномъ историческомъ сборникѣ второй половины XV в. (изъ биб. гр. Уварова), гдѣ находится отрывокъ изъ древняго лѣтописца съ дополненіями и поясненіями его составителя. Вмѣсто дословнаго повторенія записи первоначальной лѣтописи подъ 903 г. [13]), что Олегъ взялъ своему питомцу и сроднику Игорю жену изъ Плескова, именемъ Ольгу, лѣтописецъ XV в. пишетъ: „Игоря же (Олегъ) жени въ Болгарѣхъ, поятъ за него, княжну именемъ Олгу. и бѣ мудра велми“.

---

[9]) Л. Н. изд. Арх. ком. подъ 969 г.

[10]) О происхожденіи сея безсмертныя жены, о мѣстѣ ея рожденія, возрастѣ, образованіи и о многихъ другихъ мелкихъ обстоятельствахъ, которыя такъ хотѣлось бы знать, никто ничего не знаетъ. Шлёцеръ-Нест. II. 394.

[11]) Русск. Стар. 1888 іюль.

[12]) Степ. кн. I. 6.

[13]) Л. Н. Археогр. комм. подъ 903 г.

Далѣе слѣдуетъ описаніе похода Олега на Царьградъ. Итакъ, вотъ письменное свидѣтельство, идущее изъ XV в. о томъ, что еще до написанія пространнаго житія св. Ольги (въ XVI в.), русскій лѣтописецъ во Владимірской области зналъ, что св. Ольга была родомъ изъ Болгаріи и происходила не изъ поселянокъ, а была Болгарская княжна. А изъ этого вытекаетъ заключеніе, что подъ Плесковымъ первоначальнаго лѣтописца онъ имѣлъ причины разумѣть не Псковъ, а тотъ древній болгарскій городъ, который былъ основанъ Константиномъ Великимъ [14]). О. архимандритъ очень вѣроятно объясняетъ легенду о происхожденіи Ольги изъ Пскова народнымъ чувствомъ псковичей, зародившимся уже въ гораздо позднѣйшую эпоху и указываетъ на ясность, которую вслѣдствіе его сообщенія принимаютъ нѣкоторые эпизоды нашей древней исторіи [15]).

Въ началѣ княженія Ольги произошло возмущеніе Древлянъ, которое „не могло остаться безнаказаннымъ со стороны могущественнаго племени Руссовъ; а убіеніе великаго князя требовало кровавой мести со стороны его родственниковъ [16]), и Русская княгиня жестоко отмстила за смерть своего мужа! На подобный поступокъ мы не должны смотрѣть съ точки зрѣнія современности, видя въ немъ проявленіе жестокаго и мстительнаго характера княгини, а только желаніе исполнить гражданскій долгъ. При тогдашней неразвитости общественныхъ отношеній месть за родича была подвигомъ по преимуществу: вотъ почему разсказъ о такомъ подвигѣ возбуждаетъ всеобщее, живое вниманіе и потому такъ

---

[14]) „Съи Василіи црь разби Самойло, Царь Блъгаромъ водващи и пріѧхъ Бдинь и Плискѧ великы Прѧславъ и малый и прочѧѧ грады". Шафарикъ II, 361.

[15]) Не столь удивительными покажутся теперь слова Святослава, обращенныя имъ къ дружинѣ относительно взятія Переяславца. Л. Н. изд. Арх. ком. подъ 969 г.

[16]) Ист. Россіи Илов. I, 39.

свѣже уцѣлѣлъ въ памяти народной. Общество всегда, на какой бы степени умственнаго развитія оно ни стояло, глубоко уважаетъ обычаи его охраняющіе и прославляетъ тѣхъ людей, которые даютъ силу этимъ охранительнымъ обычаямъ, замѣнявшимъ правосудіе: и тотъ, кто свято исполнялъ обязанность мести, являлся защитникомъ правды и въ глазахъ общества пріобрѣталъ болѣе уваженія, какъ достойный родичъ; а быть достойнымъ родичемъ это значило быть истиннымъ гражданиномъ.—Въ дальнѣйшей своей дѣятельности Ольга является устроительницей земли русской: она старалась сдѣлать тяглое распредѣленіе оброковъ и опредѣлила количество дани съ племенъ, жившихъ по рр. Лугѣ и Мстѣ [17]) Въ 957 г. Ольга со свитой предприняла путешествіе въ Царьградъ. Къ этому ее побуждало желаніе получить благословеніе отъ патріарха и окончательно утвердиться въ христіанствѣ—этой новой религіи, имѣвшей своихъ представителей въ Кіевѣ, между которыми первое мѣсто занимаетъ мнихъ Григорій, духовникъ княгини. Онъ былъ родомъ Болгаринъ, человѣкъ высоко образованный, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ царя Симеона, послѣ смерти котораго Григорій удалился изъ Болгаріи, гдѣ при слабыхъ преемникахъ Симеона начались политическія неурядицы. Этотъ мнихъ Григорій вмѣстѣ съ другими „пресвитерами [18])“, бывшими въ Кіевѣ при дворѣ княгини и наставлялъ послѣднюю въ христіанской вѣрѣ, а затѣмъ сопутствовалъ ей въ Царьградъ, гдѣ, вѣроятно, объяснялъ церемоніалъ пріема при дворѣ; о немъ упоминаетъ и Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи „объ обрядахъ Византійскаго двора“.—Далѣе въ нашей лѣтописи говорится, что Ольга въ Константинополѣ приняла крещеніе; но этотъ разсказъ носитъ

[17]) Л. Н. изд. Археог. ком. подъ 947 г.

[18]) Яким. лѣтоп. утверждаетъ, что Ольга была научена вѣрѣ Христовой пресвитерами, бывшими въ Кіевѣ, но „крещеніе народа ради пріяти не можаше; сего ради иде съ вѣрными вельможи къ Царюграду“ (у Татищ. II).

баснословный характеръ, такъ какъ лица, упоминаемыя лѣтописцемъ, не могутъ быть пріурочены къ описываемому событію; кромѣ того Константинъ Багрянородный, который самъ принималъ Ольгу и описалъ этотъ пріемъ, въ упомянутомъ выше сочиненіи ни слова не говоритъ о крещеніи Ольги. Въ пользу того мнѣнія, что Ольга крестилась въ Константинополѣ, приводятся также свидѣтельства писателя Кедрина[19]) и безъименнаго продолжателя временника аббата Регинонскаго[20]); но они не были лицами современными событію, такъ что вопросъ, гдѣ крестилась Ольга, долженъ остаться не рѣшеннымъ.

Принявъ крещеніе, св. Ольга возвратилась въ Кіевъ и дѣятельно занялась распространеніемъ и утвержденіемъ новой вѣры; въ этомъ ей помогали и „іереи мудри," пришедшіе съ нею изъ Царьграда[21]). Къ этому же времени относится извѣстіе объ основаніи св. Ольгою города Пскова, названнаго такъ въ честь своего роднаго города Плескова. Такъ въ одномъ памятникѣ XVI вѣка говорится, что св. Ольга „пріидѣ на мѣсто плесковы рѣки и великіе и възлюби мѣсто вельми. бяхоу ба на мѣсте томъ лѣсъ великъ и дубровы многи и тоу видѣ лоучу трісиятельнаго божества і на мѣсте томъ крестъ постави. Крестъ же той стоить и до сего дни въ память святая. святая же пророчески глагола бояромъ своимъ и рече на мѣсте семъ будетъ церковь святыя троицы. градъ же будетъ великъ и славенъ зѣло и изобиліа въ немъ будетъ много[22])". Въ 859 г. было отправлено къ Оттону I, императору Германскому, посольство съ просьбою прислать въ Кіевъ епископа для проповѣди. Императоръ от-

[19]) Супруга приходившаго нѣкогда на кораблях противу Римлянъ начальника Россовъ, именемъ Ельга, по смерти своего мужа, пріѣхала въ Константинополь, гдѣ, крестясь, показала ревность къ православной вѣрѣ и, достойно бывъ за то почтена, возвратилась домой. Шлёцеръ-Нест. III, 414.

[20]) Елена, царица Ругенская при Цареградскомъ Императорѣ Романѣ крестилась въ Цареградѣ. Шлёцеръ-Нест. III, 416.

[21]) Ист. Тат. II, 393.

[22]) Ст. Гилярова, Моск. Вѣд. 1888 г. іюль.

правилъ монаха Адальберта, который впрочемъ успѣха не имѣлъ. Смыслъ этого посольства довольно теменъ: была ли цѣль этого посольства чисто религіозная, или же къ этому побуждали какія-либо политическія обстоятельства. Несомнѣнно только, что уже съ этого времени завязались сношенія Руси съ нѣмецкими императорами, которые употребляютъ всѣ усилія, чтобы подчинить Русскую церковь католичеству и тѣмъ самымъ утвердить нѣмецкое вліяніе въ дѣлахъ восточной Руси, уничтоживъ всякія связи съ единовѣрной намъ Византіей [23]). Въ 969 г. скончалась св. Ольга.

Закатилась Равноапостольная Денница христіанства! Мракъ язычества, казалось, снова сталъ надвигаться на Русскую землю, когда на Кіевскій столъ вступилъ сынъ и преемникъ ея Святославъ. Послѣдній не только не обнаруживалъ расположенія къ истинной вѣрѣ, но, исключительно занятый мечтами о власти и славѣ, не разъ выражалъ гнѣвъ свой на предложеніе матери принять крещеніе [24]). Есть даже извѣстіе, сообщаемое Якимовской лѣтописью, что Святославъ послѣ одного неудачнаго похода поднялъ гоненіе на христіанъ и разорилъ ихъ храмы; при чемъ были мученики, въ числѣ которыхъ погибъ и собственный братъ Святослава Глѣбъ [25]). Послѣ смерти Святослава великокняжескій столъ перешелъ къ старшему сыну его Ярополку. Весьма вѣроятно предположить, что послѣдній, воспитанный бабкою своею Ольгою, также былъ склоненъ на сторону христіанства, которое при немъ вновь стало расти и укрѣпляться [26]). Но вскорѣ онъ

---

[23]) Шлёцеръ-Несторъ III, 445.

[24]) Л. Н. изд. Археогр. комм. подъ 955 г.

[25]) Начаша клеветати на христіаны, сущіе въ воинствѣ, акобы сіе паденіе вой приключилось отъ прогнѣванія лжебоговъ ихъ христіанами. Святославъ такъ разсвирѣпѣлъ, что и „единаго брата своего Глѣба не пощаде, но, различными мученіями томя, убиваше... наипаче же на пресвитеры ярася, якобы тіи чарованіемъ нѣкимъ отвращаше людей отъ язычества“ у Тат. т. II.

[26]) Ярополкъ же бѣ мужъ кроткій и милостивый ковсѣмъ, любляше христіаны и аще самъ не крестися народа ради, но никому же претяше. Яким. лѣт. у Татищ. т. II.

навлекъ на себя нерасположеніе своей дружины, продолжавшей оставаться враждебною христіанству, и погибъ отъ руки брата своего Владимира, который великимъ міровымъ актомъ принятіемъ христіанской религіи съ Востока и крещеніемъ Руси и положилъ начало новой, правильной исторической жизни Русскаго народа!

Владимиръ родился въ селѣ Будутинѣ [27]) (близь Пскова) отъ ключницы Малуши, которая была дочерью Древлянскаго князя Мала. Послѣдній у иностранныхъ лѣтописцевъ называется Мискиней [28]), Нискиней и Малдитомъ [29]), отсюда понятнымъ дѣлается и nomen patronimicum Добрыни, брата Малуши, Никитичъ вм. Нискиничъ. Такимъ образомъ чрезъ имя Малъ сказаніе объ Ольгѣ связывается съ одной стороны съ Древлянами и ихъ миѳическимъ княземъ Малъ-дѣдомъ, а съ другой съ княземъ Владимиромъ, сыномъ Малуши и съ ея братомъ, Добрыней, отцомъ которыхъ былъ Малъ; слѣдовательно, въ лицѣ Владимира объединились два княжескихъ рода-Полянъ и Древлянъ.

Восьми лѣтъ отъ роду онъ былъ отправленъ отцомъ въ Новгородъ подъ присмотромъ дяди своего Добрыни, который, какъ грубый язычникъ, давалъ полную волю страстямъ своего питомца. Вскорѣ послѣ смерти Святослава между его сыновьями, Ярополкомъ и Олегомъ Древлянскимъ произошла распря, во время которой Олегъ былъ убитъ. Тогда Владимиръ, исполняя гражданскій долгъ, рѣшился отмстить за смерть Олега. Произошла война между братьями. Владимиръ объявилъ себя на сторонѣ Кіевскихъ язычниковъ и при помощи недоброжелателей Ярополка измѣнически убилъ послѣдняго и соединилъ всю русскую землю подъ своею властью. Обязанный достиженіемъ престола партіи языческой, Владимиръ ознаменовалъ начало своего княженія усердною ревностью къ

---

[27]) У Татищева.

[28]) Длугошъ, 43.

[29]) Стрыйк. 117.

ская
вѣр
этой
ніем
жил
дивн
кам
откр
тора
как
аки
луна

рѣчи
Лео
а н
вощ
как
одн
биб.
лѣт
Вмѣ
под
Иго
пип
кня.

образ
лось

язычеству [30]): многіе христіане въ Кіевѣ подверглись жестокому гоненію и принуждены были скрывать свою религію. Но русское язычество было такъ „безцвѣтно, его миѳологія была такъ бѣдна, что оно не могло успѣшно бороться ни съ одной изъ религій, имѣвшихъ мѣсто въ юго-восточныхъ областяхъ тогдашней Европы, и особенно съ христіанствомъ[31])“, и поэтому должно было сдаться послѣ краткой борьбы. Окончательное паденіе языческой религіи лѣтопись относитъ къ 983 г.

Послѣ одного удачнаго похода на Ятвяговъ, жившихъ въ лѣсахъ Литвы и Польши, Владимиръ вернулся въ Кіевъ торжественно праздновать побѣду. За милость, ниспосланную главнымъ божествомъ—Перуномъ, рѣшено было принести ему человѣческую жертву; но, нужно замѣтить, ни въ рѣшеніи, ни въ исполненіи этого ужаснаго дѣла самъ Владимиръ не принималъ никакого участія [32]): ему противны были кровавыя оргіи предъ уродливыми истуканами боговъ! Въ одной исландской сагѣ Олава Тригвіева сына говорится, что Владимиръ, имѣвшій обыкновенно веселый, ласковый видъ, дѣлался мрачнымъ и скучнымъ, когда посѣщалъ храмы и приносилъ жертвы [33]).—По совѣту бояръ Кіевляне бросили жребій на дѣтей своихъ. Жребій палъ на сына одного Русина, который по торговымъ дѣламъ пришелъ изъ Греціи и тайно исповѣдывалъ христіанскую вѣру. Отецъ-старикъ отказался выдать своего сына посланнымъ отъ бояръ; чернь съ топорами въ рукахъ окружила домъ варяга-христіанина, требуя отъ него жертвы. Держа за руку своего сына варягъ произнесъ грозную рѣчь противъ язычества, изобличая всю мерзость идольскаго служенія. Яростный крикъ раздраженной толпы былъ отвѣтомъ на слова проповѣдника, который немедлен-

---

[30]) Л. Н. изд. археогр. ком. подъ 980 г.

[31]) Ист. Росс. Солов. т. I.

[32]) Сборн. стат., чит. въ отд. русск. яз. и слов. Изд. Ак. Наукъ т. I

[33]) Рус. Ист. Сборн. т. IV, 47.

но былъ растерзанъ вмѣстѣ съ сыномъ. Но это была послѣдняя кровавая жертва торжествующаго, повидимому, язычества, которому былъ сдѣланъ рѣшительный вызовъ, которое теперь было всенародно поругано! Всѣ усилія возстановить падающихъ языческихъ боговъ оказались тщетными и привели Владимира лишь къ тому, что обнаружили полную несостоятельность язычества и указали ему путь къ христіанству. Въ то же время чужія вѣры, особенно христіанская, тяготила своимъ превосходствомъ. Послѣднее обстоятельство, равно какъ и необходимость защищать старую вѣру вело Владимира къ раздраженію, которое, въ свою очередь, перешло къ насильственнымъ дѣйствіямъ, истощившимъ всѣ бывшія у него средства въ защиту религіи отцовъ.

Послѣ этого, естественно, Владиміръ сталъ задумываться надъ своею религіей и сомнѣваться въ ея истинности. А отсюда одинъ шагъ до безповоротнаго рѣшенія перемѣнить ложную религію на другую возвышенную, болѣе удовлетворяющую его духовнымъ потребностямъ. При этомъ русскій князь оказался въ затруднительномъ положеніи: ему слѣдовало рѣшить вопросъ,—откуда принять новую вѣру, если своя несостоятельна. И вотъ онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ посредствомъ выбора лучшей изъ всѣхъ извѣстныхъ ему религій. Это обстоятельство, т. е. выборъ вѣры, составляющее особенность русской исторіи, находится въ связи съ географическимъ положеніемъ тогдашней Руси на границѣ Европы и Азіи, гдѣ могли сталкиваться не только различныя народности, но и различныя религіи. Кромѣ того, войны веденныя Владимиромъ противъ хозаръ, ятвяговъ и др., заставили обратить его вниманіе на различіе ихъ религій; поэтому, естественно, представители различныхъ вѣроисповѣданій могли желать привлечь русскаго князя на свою сторону. И вотъ разсказываетъ лѣтописецъ, къ нему приходили послы іудейскіе, католическіе, магометанскіе съ предложеніями своей вѣры; со всѣми Владиміръ бесѣдовалъ.

Іудеямъ онъ отвѣчалъ, „какъ же вы хвалите свою вѣру, когда богъ разгнѣвался на васъ и разсѣялъ по всей землѣ". Отвѣтъ вполнѣ соотвѣтствуетъ языческимъ воззрѣніямъ, въ силу которыхъ несчастіе не вызывало сочувствія. Отвѣтъ магометанъ свидѣтельствуетъ о живомъ инстинктѣ Владимира; его поразила двойственность ихъ ученія: религія разрѣшаетъ множество всевозможныхъ чувственныхъ удовольствій въ загробной жизни и въ тоже время многое запрещаетъ. Католическаго ученія Владиміръ не принялъ, потому что Ольга не приняла его. О православномъ греческомъ ученіи онъ бесѣдовалъ съ греческимъ „философомъ" который, вѣроятно, былъ однимъ изъ варяговъ-христіанъ, находившихся на службѣ у русскихъ князей, или приходившихъ въ Русь изъ Византіи по торговымъ дѣламъ. Философъ вкратцѣ разсказалъ ему всю исторію Ветхаго и Новаго Завѣта и изложилъ ученіе о загробной жизни; въ заключеніе показалъ ему картину страшнаго суда и этимъ чрезвычайно тронулъ Владимира. Вообще вопросъ о судьбѣ человѣка послѣ смерти, темно и смутно разрѣшаемый язычествомъ, нерѣдко заставлялъ язычниковъ обращаться въ христіанство. Съ подобнымъ примѣромъ мы встрѣчаемся и въ исторіи Англіи. Лѣтопись разсказываетъ, что къ королю Нортумберландскому, Эдвину приходили христіанскіе проповѣдники. Король собралъ на совѣтъ старѣйшинъ и спрашивалъ ихъ, принимать-ли новую вѣру; тогда одинъ изъ вождей сказалъ: „помнишь-ли ты, король, когда мы сидѣли однажды во дворцѣ и пировали, передъ нами пылалъ костеръ по срединѣ комнаты, а на дворѣ бушевала буря и снѣгъ падалъ хлопьями. Въ эту минуту въ комнату влетѣла птичка и быстро вылетѣла. Это мгновеніе перелета было для нея пріятно, но оно прошло быстро, и откуда прилетѣла и куда улетѣла эта птичка, неизвѣстно. Такъ и мы не знаемъ, откуда пришли и куда пойдемъ послѣ смерти. Если христіанская религія можетъ намъ объяснить это, то ее стоитъ

принять [34])". Это лѣтописное извѣстіе имѣетъ для насъ весьма важное значеніе, потому что оно служитъ подтвержденіемъ самаго преданія о проповѣдникахъ разныхъ вѣръ, приходившихъ къ Владимиру, а также вѣрности его времени и обществу. Далѣе разсказывается, что Владиміръ по совѣту дружины отправилъ довѣренныхъ мужей вътѣ страны, откуда приходили проповѣдники для знакомства съ нравами жителей и обрядами каждой религіи на мѣстѣ. Но въ достовѣрности этого извѣстія скорѣе можно сомнѣваться, нежели принимать его на вѣру. Въ самомъ дѣлѣ, какую бы цѣль имѣло со стороны Владимира отправленіе посольства смотрѣть внѣшніе, непонятные для постороннаго человѣка обряды, которые не могутъ давать никакого яснаго представленія о сущности той вѣры, которой они составляютъ только внѣшнюю принадлежность? Да, неужели Владиміръ могъ о достоинствѣ вѣры судить лишь по однимъ обрядамъ? По этому вѣроятнѣе предположить, что Владиміръ могъ удостовѣриться въ преимуществахъ греческой вѣры предъ всѣми другими отъ варяговъ-христіанъ, которые, разумѣется, послѣ чудесъ, видѣнныхъ въ Константинополѣ, съ презрѣніемъ смотрѣли на бѣдное русское язычество и хвалили вѣру греческую; къ принятію послѣдней могли склонить князя и его жены-христіанки [35]). Это предположеніе подтверждается и свидѣтельствомъ современника митрополита Иларіона [36]), который ни слова не говоритъ о посольствахъ для ознакомленія съ вѣрами; слѣдовательно и рѣчи, вложенныя лѣтописцемъ въ уста пословъ, которыхъ Владиміръ отправлялъ въ разныя страны, могли принадлежать варягамъ, переселенцамъ изъ Византіи: „мы не можемъ, говорили они, забыть той красоты, которую видѣли въ Констан-

---

[34]) Hist. eccl. gentis Anglorum Беды.

[35]) Намекъ на участіе женъ Владимира въ подготовленіи его къ христіанству можно видѣть въ той же сагѣ объ Олавѣ, гдѣ говорится, что большое вліяніе на религіозныя убѣжденія Владимира имѣла супруга его Аллогія. (Ольга?)

[36]) Чт. въ общ. Ист. и Древн. 1848 г. № 7.

тинополѣ; всякій человѣкъ, отвѣдавшій сладкаго, не захочетъ горькаго; такъ и мы здѣсь въ Кіевѣ больше не останемся"! Эти слова находили подтвержденіе и между городскими старцами которые въ пользу христіанства имѣли свое доказательство: „если бы плохъ былъ законъ греческій, говорили они, то и бабка твоя Ольга не приняла бы его; а она мудрѣйшая изъ всѣхъ"! Такимъ образомъ теперь все было готово къ принятію новой вѣры, ждали только удобнаго случая. „Подожду еще немного"! говорилъ Владиміръ по свидѣтельству начальнаго лѣтописца. Случай этотъ скоро представился. Владиміръ предпринялъ походъ на греческій городъ Херсунь и осадилъ его. Жители затворились и, несмотря на изнеможеніе, упорно защищались. Владиміру долго бы пришлось стоять подъ городомъ, если бы не нашелся измѣнникъ-грекъ, по имени Анастасъ, который посовѣтовалъ Владиміру отвести въ сторону трубы, проведенныя изъ источниковъ прѣсной воды. Лѣтописное сказаніе прибавляетъ, что Владиміръ, услыхавъ объ этомъ, взглянулъ на небо и сказалъ: „если городъ падетъ, я крещусь!" Въ исторіи христіанства это не первый примѣръ того, что языческій князь даетъ обѣщаніе креститься подъ условіемъ побѣды, которую долженъ получить съ помощью новаго божества [37]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ войскѣ Владиміра были христіане, которые убѣждали Владиміра принять христіанство и обѣщали ему помощь Божію въ этой войнѣ. Владиміръ послѣдовалъ совѣту Анастаса и приказалъ отвести воду источниковъ въ другую сторону; жители стали терпѣть недостатокъ въ водѣ и должны были сдаться. Владиміръ вступилъ въ городъ и отправилъ пословъ къ Византійскимъ императорамъ Василію и Константину съ требованіемъ выдать за него сестру ихъ Анну. Выдать греческую царевну за варвара, скиѳа, убійцу своего брата-это ужаснуло ихъ! „Не слѣдуетъ, говорили они, отдавать родственницъ своихъ за язычниковъ; но если кре-

[37]) Григорій Турскій Hist. eccl. Francorum.

стишься, то и сестру нашу получишь и вмѣстѣ царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать сестры своей за тебя"! Владимиръ согласился. Тогда цари послали въ Корсунь священниковъ и Владимиръ торжественно крестился въ 988 г. въ церкви св. Василія, которая находилась на Корсунской торговой площади и получилъ имя Василія въ честь Византійскаго императора, который вѣроятно, былъ его воспріемникомъ. Лѣтописное преданіе прибавляетъ, что Владимиръ во время крещенія получилъ исцѣленіе отъ глазной болѣзни, которою страдалъ долгое время.—По принятіи новой вѣры былъ совершенъ бракъ съ царевною Анной. Покидая Корсунь, Владимиръ взялъ нѣкоторыя святыни, духовенство, а городъ возвратилъ грекамъ „въ вѣно за жену свою", по выраженію лѣтописца. При возвращеніи въ Кіевъ, по словамъ одного лѣтописца „вси люди всякаго чину изыдоша во срѣтеніе ему"; послѣ чего „князь постави трапезу велию убогимъ и нищимъ" страннымъ і разслабленнымъ, вдовицамъ и сиротамъ и въ то время по улицамъ стояще сосуды полны меду и перевару и всякаго пития и харчеваго многаго приготовленія [38])"; затѣмъ Владимиръ ревностно занялся распространеніемъ православной вѣры, велѣлъ уничтожить языческія капища, а народу собраться на берегъ р. Почайны [39]), при устьѣ которой и произошло крещеніе Русскаго народа. Наша лѣтопись умалчиваетъ о томъ, чтобы Кіевляне рѣшились вооруженною силой защищать свою старую вѣру, это отчасти потому, что въ Кіевѣ христіане составляли большинство, а болѣе всего оттого, что русское язычество не имѣло опредѣленнаго жреческаго сословія, которое бы разъяснило народу всю преступность ихъ поступка съ точки зрѣнія языческой и противодѣйствовало бы рас-

---

[38]) Ркп. Ундол., ст. г. Гилярова, Моск. Вѣд. 1888 г. іюль.

[39]) Житіе св. Влад. XIII—XIV в. Чт. въ Общ. Ист. 1846 г.

пространенію христіанства. Но хотя открытаго мятежа и не послѣдовало въ Кіевѣ, тѣмъ не менѣе изъ нѣкоторыхъ намековъ Кіевскаго лѣтописца и сочиненій митрополита Иларіона [40]) можно предполагать, что многіе изъ язычниковъ остались глухи къ проповѣди, считая князя и бояръ отступниками своей вѣры. Нѣкоторые изъ такихъ шли креститься по принужденію князя, другіе, упорные язычники, бѣжали въ лѣса и степи и сдѣлались мучениками за свою вѣру.

Изъ Кіева христіанство распространилось по великому водному пути, до сѣвернаго конца его Новгорода, гдѣ проповѣдники встрѣтили упорное сопротивленіе со стороны сильной языческой партіи. Есть извѣстіе, что послѣдняя произвела волненіе въ народѣ, и тысяцкій Владимира, Путята вмѣстѣ съ посадникомъ Добрынею должны были употребить самыя энергичныя мѣры для подавленія мятежа, причемъ большая часть города сдѣлалась добычею огня; отсюда произошла новгородская пословица: „Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня-огнемъ“. Изъ Новгорода проповѣдники отправились также воднымъ путемъ (Шексною) на востокъ до земли Вятичей и Мери, но здѣсь христіанство не имѣло успѣха и только впослѣдствіи печерскіе иноки запечатлѣли мученическою смертью проповѣдь въ странѣ этихъ грубыхъ язычниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и самъ Владиміръ принималъ дѣятельное участіе въ распространеніи христіанства въ областяхъ, лежащихъ къ западу отъ Днѣпра, которыя онъ долженъ былъ посѣщать по своимъ отношеніямъ къ Польшѣ. Есть извѣстіе, что онъ въ 992 г. ходилъ съ епископами на юго-западъ, училъ и крестилъ народъ, а въ землѣ Червенской онъ построилъ городъ Владиміръ-Волынскій и деревянную церковь во имя Богородицы.

Обращая въ христіанство свой народъ Владиміръ руко-

---

[40]) „Да аще кто и не любовію, но страхомъ повелѣвшаго крещахуся, понеже бѣ благовѣріе его со властію сопряжено“. Чт. въ Общ. Ист. и Древн. 1848 г.

водился не только принципами религіозными, но и чисто государственными: онъ сознавалъ необходимость водворить въ своей странѣ гражданскую жизнь, которая началась у всѣхъ народовъ со времени принятія ими христіанства.

Не таковыми были его предшественники.

Мы видѣли, что Игорь былъ далекъ отъ мысли перемѣнить вѣру своего народа, если онъ самъ не рѣшился сдѣлаться христіаниномъ. Что касается Ольги, то она хотя и приняла крещеніе, но не была настолько энергична, чтобы объявить новую религію господствующею въ своей странѣ. Святославъ былъ скорѣе отважный и блестящій рыцарь, нежели государь. Онъ не только не думалъ совершить государственную реформу посредствомъ введенія христіанства, но, напротивъ, его норманскія стремленія, имѣющія въ основѣ своей право меча и силы, совершенно были противны христіанскимъ понятіямъо гражданственности. Рѣшительную противоположность представляетъ сынъ его Владимиръ. Это былъ собиратель и строитель земли своей. Всѣ войны, веденныя имъ, предпринимались не для пріобрѣтенія только личной славы, но исключительно въ видахъ государственной пользы или для расширенія границъ своего государства, или для охраненія ихъ со сторонъ внѣшнихъ враговъ. Внутренняя дѣятельность Владимира обращена была на благоустройство своего государства, онъ окружилъ столицу рядомъ укрѣпленныхъ мѣстъ, обновилъ старые города Корсунь, Бѣлгородъ, строилъ новые по рѣкамъ: Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ [41]) и др., наполняя ихъ переселенцами изъ другихъ областей, часто совѣтовался со своею дружиной, думая о „строѣ и уставѣ“ земли своей, какъ говоритъ Кіевскій лѣтописецъ [42]). Наконецъ въ Никоновской лѣтописи подъ 1091 г. говорится, что Владимиръ отправлялъ пословъ

[41]) Л. Н. изд. Археогр. ком. подъ 988 г.

[42]) Л. Н. изд. Арх. ком. подъ 989 г.

въ Римъ, Іерусалимъ, въ Египетъ и Вавилонъ [43]) для ознакомленія съ нравами, обычаями и культурой. Это извѣстіе напоминаетъ намъ о Великомъ Преобразователѣ XVIII вѣка; подобно послѣднему Владиміръ хотѣлъ сдѣлать Русскій народъ участникомъ великой драмы не только европейской, но и всемірной исторіи и работникомъ на поприщѣ человѣческаго усовершенствованія; подобно послѣднему въ своемъ стремленіи къ духовному объединенію народа онъ былъ также суровъ, не щадилъ закоснѣлыхъ язычниковъ, чему доказательствомъ служитъ крутой способъ обращенія въ христіанство новгородцевъ, противиться княжеской волѣ въ этомъ дѣлѣ было равносильно государственной измѣнѣ и „окаменелые серцемъ [44])“ изъ Кіева должны были бѣжать отъ княжескаго гнѣва. Объединительная политика и Московскаго государства была безпощадна и сурова: но не будь этой политики, что сталось бы съ Русскимъ народомъ, что значила бы теперь русская національная идея, которая начала осуществляться со времени Владиміра,—признавшаго восточное православіе государственною религіею и положившаго краеугольный камень въ основу крѣпкаго союза власти съ церковью.

Почему же Владиміръ принялъ христіанство съ Востока, а не изъ Рима? Ближайшей причиной, побудившей предпочесть грековъ папѣ, конечно, было то, что съ Византіей насъ соединялъ великій водный путь, по которому русскіе издавна вели самыя дѣятельныя сношенія съ греками; между тѣмъ какъ со стороны юго-западной Европы сама природа положила преграды, отдѣливъ Русь отъ Рима двойною стѣною горъ Альповъ и Карпатовъ. Поэтому прежде всего самое географическое положеніе Русскаго государства (на востокѣ) указывало намъ на христіанъ—восточныхъ. Но кромѣ того глубокія политическія соображенія за-

[43]) Посла гостей, аки въ послѣхъ въ Римъ, а другихъ во Іерусалимъ и во Египетъ и въ Вавилонъ соглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ. Ник. л. 1091 г.

[44]) Ист. Тат. II.

ставили Владимира уклониться отъ святѣйшаго отца. Если бы онъ принялъ христіанство изъ Рима, то, какъ поступившій въ семью европейскихъ народовъ послѣднимъ, Владиміръ сдѣлался бы весьма ограниченнымъ въ своей свободѣ ея членомъ; крестившись же отъ грековъ, онъ сохранялъ политическую самостоятельность и не подвергался опасности оказаться младшимъ въ глазахъ всей Европы. Но какъ принять вѣру другого народа? Не было ли бы такое принятіе равносильно признанію своей зависимости отъ Византіи? Весьма вѣроятно, Владиміръ опасался подобныхъ притязаній со стороны грековъ, которые обыкновенно смотрѣли на народы, принявшіе ихъ вѣру, какъ на своихъ вассаловъ. Такъ, патріархъ Фотій называетъ таврическихъ Руссовъ, принявшихъ христіанство, подданными грековъ, хотя они продолжали оставаться самостоятельными. Византійскіе императоры, какъ можно думать по нѣкоторымъ указаніямъ, включали въ свой титулъ имена тѣхъ народовъ [45]), которые исповѣдывали православную вѣру, считая ихъ подвластными себѣ. Подобныя соображенія и побудили Владиміра объявить войну грекамъ, зная, что по отношенію къ побѣдителю уже не могли имѣть мѣсто никакія притязанія; кромѣ того поводомъ къ войнѣ служило и личное желаніе Владиміра вступить въ бракъ съ сестрою Византійскихъ императоровъ. Для варвара, князя варварской страны, получить руку греческой царевны—было весьма трудно. И если Владиміръ желалъ этого, то онъ могъ предъявить подобное требованіе только съ мечемъ въ рукѣ, такъ какъ вступать въ родственныя связи съ варварами считалось оскорбительнымъ для гордыхъ грековъ [46]), поэтому послѣдніе заключали подобные браки только въ случаѣ крайней необходимости. Для чего же нуженъ былъ бракъ съ греческою царевною? Конечно, не для удовлетворенія

---

[45]) Ист. пер. прот. Голубинскаго пр. (Stritter, Mem. pop. II, 1027).

[46]) Const. Porph. De adm. imp. c. 13.

простого тщеславія, и опять-таки цѣли чисто государственныя имѣлъ въ виду Владимиръ; греки должны быть цивилизаторами Руси и для Владимира чрезвычайно важно было, чтобы они имѣли искреннее расположеніе желать Руси всего лучшаго, а этого онъ могъ достигнуть, вступивъ въ близкое родство съ греческими императорами.

Принятіемъ христіанства изъ Византіи опредѣлилась и вся наша послѣдующая исторія: въ то время какъ Западная Европа въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ изнемогала среди ужасовъ кровавыхъ переворотовъ, во время которыхъ западная церковь, утративъ свой духовный характеръ, унизилась до самыхъ мелкихъ интригъ, съ цѣлью поколебать императорскій авторитетъ въ глазахъ народа, Восточная Православная церковь, развивая аттрибуты своей власти въ обоюдномъ согласіи съ государствомъ, не только никогда не изъявляла притязаній на власть свѣтскую, но напротивъ запечатлѣла монархическій принципъ священнымъ характеромъ и тѣмъ самымъ укрѣпила свое вліяніе среди народа, и этотъ православный народъ проникся глубочайшимъ уваженіемъ къ своему Царю и православной церкви, уваженіемъ, на которомъ зиждится величіе Россіи. Тѣсная связь съ Византіей образовала особый міръ, отличный отъ западнаго, также и въ устройствѣ церковной іерархіи, начало которой положено было Владимиромъ. Высшимъ духовнымъ лицомъ въ древней Руси былъ митрополитъ, который назначался Константинопольскимъ патріархомъ, въ чемъ и выражалась зависимость Русской церкви отъ Византіи. Первымъ Кіевскимъ митрополитомъ, какъ называютъ позднѣйшіе лѣтописные своды, былъ Михаилъ, прибывшій съ Владимиромъ изъ Корсуни, преемникомъ ему былъ Леонтій, а затѣмъ Іоаннъ, которые всѣ трое управляли русской церковью въ княженіе Владимира и по происхожденію были, вѣроятно, болгары, а не греки, такъ какъ въ противномъ случаѣ дѣятельность ихъ на Руси была бы весьма затруднительна, тоже нужно сказать и о

первыхъ епископахъ и священникахъ, прибывшихъ къ намъ изъ Византіи.

Права и привиллегіи духовенства остались тѣже, какими оно пользовалось въ Византіи: оно имѣло свой церковный судъ, руководствомъ для котораго служили славянскіе переводы греческаго Номоканона или Кормчей книги. Кромѣ того Владимиръ издалъ церковный уставъ, который, будучи приспособленъ къ потребностямъ русской жизни, имѣлъ на нее весьма благотворное вліяніе. Одни изъ статей этого устава прямо были направлены къ искорененію въ Россіи остатковъ прежняго язычества и къ утвержденію православной вѣры и церкви. Другія, опредѣляющія въ подробностяхъ семейныя отношенія и преслѣдовавшія преступленія противъ чистоты нравовъ, имѣли цѣлью пересоздать въ Россіи семейство, а вмѣстѣ съ тѣмъ очистить, возвысить и утвердить все общество, весь государственный строй на новыхъ христіанскихъ началахъ. Третьи статьи, поручавшія попеченію церкви больныхъ и предоставлявшія духовенству десятину на содержаніе больныхъ, служили началомъ учрежденія въ Россіи первыхъ богоугодныхъ заведеній общественной благотворительности, которыя прежде у насъ были неизвѣстны. Нельзя послѣ этого не удивляться, съ какой мудростью, при всей кажущейся простотѣ, составленъ первый опытъ нашего церковнаго законодательства. Онъ съ перваго раза указывалъ новоучрежденной русской церкви то положеніе, въ которомъ она могла дѣйствовать съ пользою и для своихъ высокихъ цѣлей и для юнаго, только-что установившагося государства, проникать въ самую внутреннюю его жизнь, освятить и возсоздать самыя основы этой жизни, влить въ нее новыя стихіи.

Но духовенство, пришедшее къ намъ изъ Византіи, могло удовлетворять только первой необходимости; съ увеличеніемъ же числа вѣрующихъ и построеніемъ церквей стала ощущаться потребность въ своихъ собственныхъ служителяхъ

церкви; съ этою цѣлью Владимиръ приказалъ брать въ ученье „нарочитыя чады," чтобы они стали потомъ не только достойными пастырями русской церкви, но и проводниками греческой образованности, ясно понимая, что только одно книжное ученіе можетъ служить путемъ къ водворенію добрыхъ началъ среди своего полудикаго народа. И Владимиръ упорно шелъ по предначертанному пути, хотя встрѣчалъ большія затрудненія; лѣтописецъ передаетъ, что „матере плакахуся по дѣтяхъ своихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но аки по мертвецы плакахуся." — Въ непосредственномъ отношеніи къ христіанству мы находимъ въ лѣтописи слѣдующее извѣстіе: въ княженіе Владимира появилось много разбойниковъ [47]) и вотъ епископы сказали Владимиру: „зачѣмъ ты не казнишь ихъ?" Владимиръ отвѣчалъ: „боюсь грѣха." Епископы возразили: „Ты поставленъ отъ Бога казнить злыхъ и миловать добрыхъ!" Владимиръ послушался и сталъ казнить разбойниковъ; когда же епископы посовѣтывали ему отмѣнить казнь, Владимиръ послѣдовалъ ихъ совѣту. Это извѣстіе показываетъ, что наше духовенство съ самаго начала своего существованія успѣло уже пріобрѣсти большое вліяніе на дѣла государственныя; оно продолжало сохранять его и во все послѣдующее время, находясь всегда во главѣ всякаго добраго, общественнаго движенія и обнаруживая благотворное вліяніе на образованіе духовной жизни древне-русскаго общества. Кромѣ того духовные были попечителями общины, заботились объ улучшеніи матеріальнаго быта своей паствы, дѣлали пожертвованія на городскія постройки, помогали бѣднымъ и т. п., по этому понятно, что православный народъ смотрѣлъ на своихъ пастырей какъ на посланниковъ Божіихъ для умноженія его духовнаго сокровища и житейскаго благосостоянія. О благотворномъ вліяніи духовенства лѣтописи передаютъ нерѣдко дорогіе, хотя общіе,

[47]) Л. Н. изд. Археогр. комм. подъ 996 г.

факты въ своихъ отзывахъ объ извѣстныхъ лицахъ. „Князьямъ и боярамъ и всѣмъ вельможамъ былъ на успѣхъ, и все дивно, обидимымъ помогалъ, печальныхъ утѣшалъ, нищихъ миловалъ; былъ людямъ заступленіе, сиротамъ кормитель... Былъ обидимымъ помощникъ, вдовамъ заступникъ, избавляя отъ насильнаго, и сильныхъ не стыдился. Возлюбили житіе его бояре, и люди приходили къ нему, поучаясь отъ него день и ночь, и многихъ утвердилъ и на разумъ истинный наставилъ [48])“, замѣчается о многихъ пастыряхъ того времени.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Византіи перешло къ намъ одно изъ важныхъ учрежденіи Восточной церкви—монашество [49]). Преданіе говоритъ, что первый русскій митрополитъ Михаилъ основалъ на одной изъ Кіевскихъ горъ монастырь во имя Арханг. Михаила, недалеко отъ того мѣста, гдѣ прежде стоялъ Перунъ, а иноки прибывшіе съ этимъ митрополитомъ, основали монастырь Спасскій близъ Вышгорода. Супральская рукопись свидѣтельствуетъ, что будто самъ Владимиръ въ 996 г. основалъ вмѣстѣ съ Десятинною церковью и монастырь при ней во имя Богородицы [49]). По мѣрѣ распространенія христіанства на Руси, монастыри стали основываться и въ другихъ областяхъ, такъ что въ XII в. въ одномъ Кіевѣ насчитывались до 17 монастырей. Такимъ образомъ Кіевъ съ самаго начала своего существованія, сдѣлавшись центромъ государственной жизни, сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ средоточіемъ православія, главнымъ мѣстомъ святынь, привлекая къ себѣ русскій народъ съ отдаленныхъ концовъ Россіи. Такое быстрое распространеніе монастырей объясняется тѣмъ высокимъ значеніемъ, какое они имѣли на Востокѣ. Кромѣ того, что въ монастыряхъ находили пріютъ всѣ стремившіеся къ подвижнической жизни, здѣсь приготовлялись лица для занятія высшихъ церковныхъ

[48]) Л. Н. изд. Археогр. комм. подъ 1051, 1089 и др. г.г.

[49]) По свид. Иларіона.

[49]) Ист. христ. въ Росс. арх. Макарія т. I.

должностей, отсюда отправлялись проповѣдники въ дальнія страны для насажденія православія или для защиты его отъ ересей и раскола; служа центрами колонизаціи, монастыри являлись лучшими училищами для нравственнаго воспитанія народа, наконецъ монастыри, какъ и во всей западной Европѣ, были зачатками и хранителями книжной образованности. Все это показываетъ, какою силою характера и многосторонними способностями обладали основатели и подвижники монастырей, являясь одинаково великими на поприщѣ общественнаго и церковнаго быта. Не уступая въ аскетизмѣ восточнымъ образцамъ, они не разрываютъ связей съ міромъ, а стараются вліять на поднятіе нравственности народа, на улучшеніе самыхъ гражданскихъ отношеній, которыя до того времени были неопредѣленны.

Въ тоже время начали обнаруживаться и благотворныя дѣйствія православной вѣры. Правда, то было еще переходное время: народная масса, какъ и въ другихъ европейскихъ земляхъ, принимала христіанство только внѣшнимъ образомъ, нисколько не углубляясь во внутренній смыслъ христіанскаго ученія, назначеніе котораго возрождать умъ, волю и природу человѣка. Тѣмъ не менѣе оно неотразимо дѣйствовало на вновь обращенный народъ. Уже самая сущность новой религіи, проповѣдающей безпредѣльную любовь къ ближнему, дающей широкій просторъ благороднѣйшимъ движеніямъ души, прекращеніе человѣческихъ жертвъ,—все это не могло не вліять на смягченіе грубыхъ нравовъ нашихъ предковъ. Это благодѣтельное вліяніе православной вѣры прежде всего отразилось на характерѣ самого Владимира. Сдѣлавшись христіаниномъ, онъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Прежде мы его видѣли жестокимъ, мстительнымъ, кровожаднымъ, даже братоубійцею; теперь онъ сталъ мягкимъ, боясь наказывать даже злодѣевъ; угасъ его воинственный духъ и всѣ его заботы были устремлены только на поддержаніе мирныхъ сношеній съ сосѣдями. Больше же всего писатели

превозносятъ его милосердіе, щедрость — живой плодъ его христіанской любви къ ближнимъ. Онъ велѣлъ, чтобы во дворцѣ каждую недѣлю былъ обильный пиръ для всѣхъ дворцовыхъ чиновниковъ и для лучшихъ гражданъ: „по вся недѣли, говоритъ лѣтописецъ, устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боларамъ и гридемъ и соцькымъ и десятьскымъ и нарочитымъ мужемъ при князи и безъ князя; бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего". Особенно обильные пиры любилъ устраивать Владимиръ по случаю какихъ—нибудь праздниковъ [50]). Такъ по поводу освященія церкви въ Василевѣ лѣтопись говоритъ: „постави церковь и сотвори праздникъ великъ варя 300 проваръ меду, и съзываше боляры своя и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ и люди многи... Праздновавъ князь дніи 8 и възвращашеться Кыеву на Успенье святыя Богородицы и ту паки сотворяше праздникъ великъ, сзывая бещисленое множество народа". О христіанскомъ милосердіи къ нищимъ и убогимъ лѣтописецъ говоритъ: "Повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу питье и яденье и отъ стотьніцъ куницами. Устрои же и се рекъ: „яко немощніи и больніи не могутъ долѣсти двора моего" повелѣ пристроити кола и вскладаше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другыхъ квасъ, возити по городу въпрашающимъ: кдѣ больній и нищь, не могы ходити? тѣмъ раздаваху на потребу.» Сказаніе лѣтописи о безграничномъ милосердіи Владимира вполнѣ подтверждается свидѣтельствами митрополита Иларіона и мниха Іакова. „Кто исповѣсть, восклицаетъ первый", — многія твоя нощныя милостыни и дневныя щедроты, яже къ убогимъ творяше, къ сирымъ же и къ болящимъ, къ должнымъ и къ вдовамъ и къ всѣмъ требующимъ милости? Слышалъ бо глаголъ Господенъ... недо-

[50]) Л. Н. изд. Археогр комм. подъ 996 г.

слышанія стави глаголанное, но дѣломъ сконча слышанное, просящимъ подавая нагія одѣвая, жадныя и алчныя насыщая, болящимъ всяко утѣшеніе посылая, должныя искупая, работныя свобождая. Твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человѣцѣхъ поминаеми суть„. Второй говоритъ: "Болѣ всего бяше милостыню творяше но и по всему граду, не въ Кіевѣ единомъ, но по всей земли Русской— и въ градѣхъ и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагія одѣвая, алчныя кормля и жадныя напаяя, странныя покоя милостію, нищая и сироты и вдовицы и слѣпыя и хромыя и трудоватыя вся милуя и одѣвая и накармя и напаяя.» Не говоримъ уже о томъ, съ какою ревностію онъ распространялъ свѣтъ Евангельскаго ученія и и строилъ храмы, о тѣхъ великихъ, незабвенныхъ заслугахъ, какія онъ оказалъ своему народу, изведши его навсегда изъ тьмы язычества въ чудный свѣтъ христіанства.—Совершивъ великое дѣло на землѣ, введя насъ на правильный путь исторической жизни, Владимиръ скончался 15 іюля 1015 г. въ въ подгородномъ селѣ Берестовѣ и погребенъ былъ въ построенной имъ Десятинной церкви. Его нетлѣнныя мощи оставались въ землѣ до XVII в., когда митрополитъ Могила, возобновляя разрушенную татарами церковь, вынулъ изъподъ развалинъ гробъ св. Владимира и отправилъ челобитную царю Михаилу Ѳеодоровичу, прося его, чтобы „онъ, Великій Государь, повелѣлъ своимъ государевымъ мастерамъ своею царскою казною сдѣлать раку на мощи прародителя своего равноапостольнаго князя Владимира, которая поставлена будетъ съ его мощи у св. Софіи, юже сооружи Великій Князь Ярославъ, сынъ его" [51]).

А. Колумбовъ.

---

[51]) Ак. Юж. и Зап. Росс. т. III

T